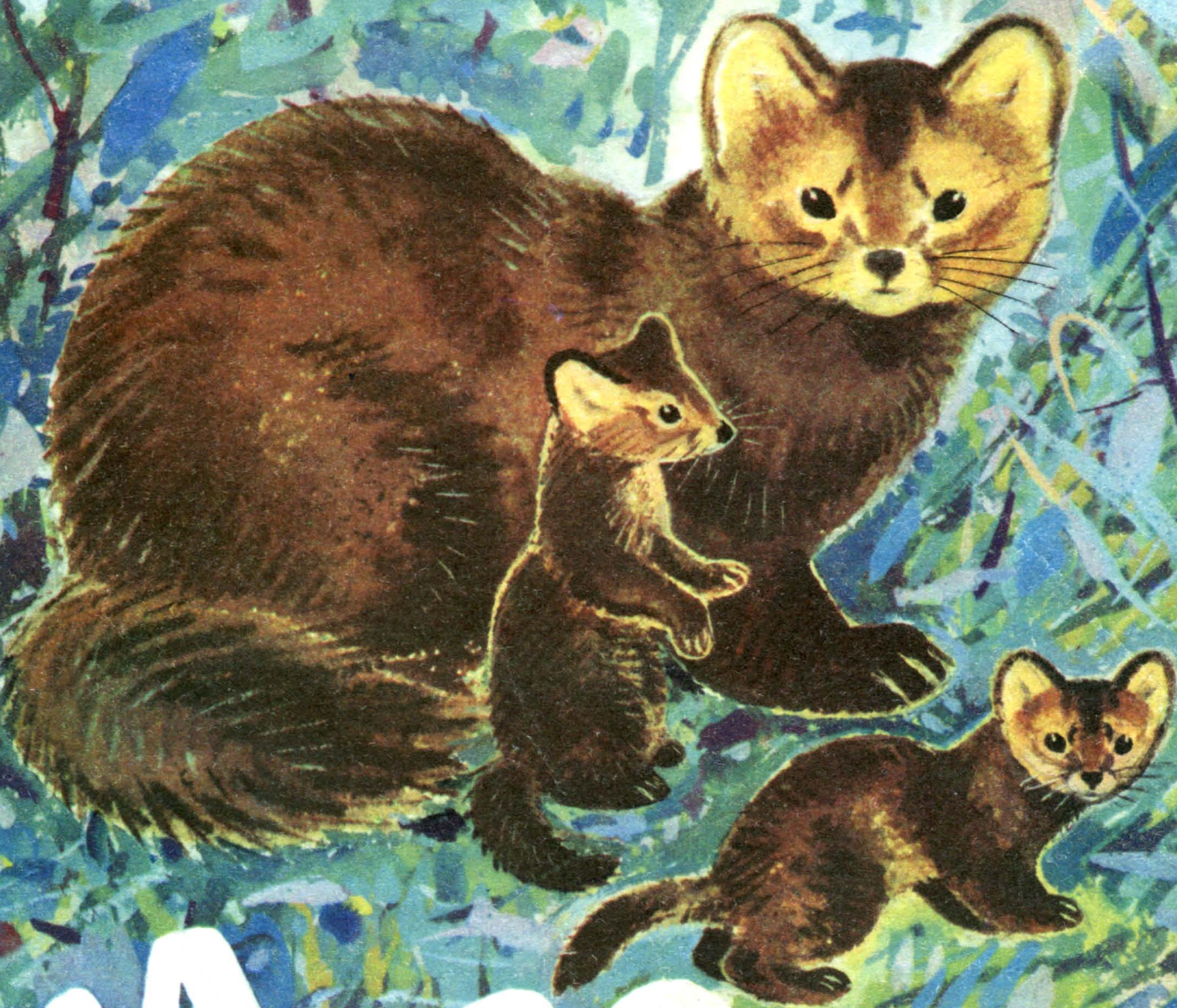

М • З В Е Р Ё В

НА НОВОМ МЕСТЕ

Издательство
«МАЛЫШ» Москва · 1977

СОБОЛЯ НАД ОБЛАКАМИ

В тайге начиналось морозное зимнее утро. Красный диск солнца показался над деревьями. Он едва просвечивал сквозь густой туман от полыни на речке. В ветвях ели пискнула синичка. Ей ответила другая. Громко зацыкал серый поползень. Он спускался вниз головой по стволу. Его клювик, как костяное шильце, обшаривал щёлки в коре ели.

С ночной охоты вернулся соболь и юркнул в дупло осины. Густой мех надёжно защищал его от мороза. Зверёк свернулся калачиком в дупле, прикрыл нос хвостом и задремал.

Днём собачий лай разбудил соболя. Под осиной яростно металась лайка.

Соболь выскочил из дупла, перескочил на соседний кедр и запрыгал с дерева на дерево. Лайка мчалась под деревьями и не выпускала его из виду.

В знакомое дупло сухого кедра соболь нырнул с разлёту и притаился там. Но собака залилась звонким лаем. Она вскакивала на задние лапы, скребла кору передними, и собачий лай далеко разносился по тайге.

Раздались голоса людей. Зашуршала кора на кедре, и в дупле сделалось темно. Это один из охотников залез на дерево, прикрыл выход из дупла мешком и крикнул вниз второму:

— Бей!

От частых ударов топора ствол начал вздрагивать.

Соболь испугался, выскочил из дупла, но... оказался в мешке! Охотники осторожно надвинули края мешка на ящик и оттянули в сторону дверцу. В сетчатом окошечке ящика блеснул солнечный свет. Соболь бросился из мешка в ящик к окошечку, а сзади стукнула задвинутая обратно дверца. Зверёк заметался в тесном ящике, стал кусать решётку на окошечке, царапать пол, зло шипеть... Но всё напрасно — ящик был сделан прочно.

— Ишь ты, какой резвый! — удивился один из охотников. — Не бесись, на новом месте будет лучше!

На крышке ящика охотник написал: «Соболь № 43», а рядом крупными буквами приписал: «Резвый». Так в первые же минуты плена соболь получил кличку.

Уже сорок два ящика с пойманными соболями находились у охотников. К ним добавили ещё один. В то же утро грузовая машина увезла всех «пленников» на аэродром. Сорок три соболя впервые поднялись выше облаков.

Резвый притих в своём ящике. До куска мяса в кормушке он не дотронулся.

Когда самолёт коснулся колёсами бетонной дорожки аэродрома и его слегка тряхнуло, Резвый опять заметался и заскрёб пол и углы ящика.

Всего несколько часов длился перелёт над облаками, и соболя оказались опять на земле, но уже у подножья огромных лесистых гор Северного Тянь-Шаня, где никогда не было соболей.

Наутро грузовая машина с ящиками поднялась высоко по ущелью Заилийского хребта. Ящики сняли, поставили на снег и открыли дверцы. Резвый выскочил первым. Его встретило множество незнакомых запахов. Он стремглав бросился вверх по крутому снежному склону горы. Густые ветви тянь-шаньских елей спускались до самого снега и легко скрыли соболя. Зверёк запыхался на крутом подъёме. Со всех сторон слышались торопливые прыжки других соболей. Рядом шуршала кора — это один из зверьков взбирался на ель. Следы соболей потянулись в разные стороны: зверьки привыкли жить в одиночку.

Всё выше в гору мчался Резвый. Его маленькое сердце бешено колотилось от непривычного напряжения: на его родине, в Сибирской тайге, не было таких высоких гор.

Но вот ельники стали редеть.

Впереди виднелся каменистый гребень горы. Резвый остановился под последней ёлкой. Её мохнатые ветки свисали до снега, и под ними соболь чувствовал себя в безопасности. Всё кругом было ново. От незнакомого крика альпийских желтоногих галок зверёк вздрогнул. Они были не похожи на сибирских галок, кувыркались в воздухе и, играя, гонялись друг за другом.

Гнусавый звук заставил соболя обернуться — на соседнюю ёлку уселся арчовый дубонос. Он был похож на небольшую сороку, но с чёрно-зелёным ярким оперением.

Шорох снега — и мимо промчались два бородатых горных козла. Резвый следил за ними, пока они не скрылись по ту сторону гребня. Оттуда долетел стук покотившихся камешков.

Резвый сделал несколько спокойных коротких прыжков ближе к ёлке, но... оказался дальше от неё — снег по всему склону вдруг начал медленно ползти вниз. Большими прыжками соболь бросился к стволу ёлки. Но снег полз всё быстрее, и Резвый несколько раз отчаянно подскочил на одном месте, прежде чем зацепился когтями за кору ели. В один миг он взлетел по стволу к вершине, распластался на толстом сучке и с ужасом взглянул вниз.

А там снег всё стремительней скользил по всему склону горы. Началась снежная лавина. Огромные массы снега с шумом понеслись вниз. Выворачивались с корнем деревья, срывались кустарники, катились камни.

Снежная лавина обрушилась в ущелье и похоронила под собой всё, что там было живого: зайцев, лису и маленьких птичек — короткие крылышки не успели поднять их выше. Грохот стих, но снежная пыль всё ещё клубилась у вершины горы.

Долго сидел на ёлке перепуганный соболь. Но едва он начал успокаиваться, как резкий незнакомый крик заставил его опять в страхе прижаться к стволу.

— Кек-елик, кек-елик! — разносилось по ельнику. Это были горные куропатки — кеклики. Их ярко-красные лапки и клюв так и горели на солнце.

Кеклики побежали на голый склон горы, с которого только что сполз снег.

Ветерок принёс от них почти такой же запах, как от таёжных рябчиков. Соболь осторожно спустился с ёлки и стал

подползать к птицам. Но кеклики заметили тёмного зверька. Они испуганно закричали и быстро убежали вверх по склону.

Соболь алчно облизнулся и долго смотрел вслед кекликам, а они рылись вдалеке на открытом склоне, разгребая лапками камешки и что-то склёвывая.

Резвый вернулся под ёлку.

В её мохнатом лапнике он чувствовал себя спокойно. Но странные незнакомые звуки заставляли его часто вздрагивать.

Под вечер какой-то огромный пятнистый зверь с длинным хвостом неслышными кошачьими шагами прошёл мимо соболя.

Резвый весь сжался от страха, но зверь его не заметил.

Соболь, конечно, не знал, что это был хозяин гор — снежный барс. Но инстинкт подсказал — его надо остерегаться.

Наконец совсем стемнело. Соболь решил выйти на разведку. Он чувствовал сильный голод. Вдруг до его ушей донеслись знакомые шорохи. Мыши. Да, Резвый не ошибся — в ельнике жили мыши. Охота была удачной.

Насытившись, соболь стал искать потайное место для ночлега. В старой осине он нашёл удобное дупло, так похожее на его жильё в родной Сибири...

Постепенно Резвый привык к новым местам и обитателям горных ельников. Летом он подружился с соболюшкой, которую тоже привезли из Сибири. Настало время, и у них родились соболятки. Тянь-Шаньские горы стали для них родиной.

РЕЧНЫЕ ТРУЖЕНИКИ

Воронежский заповедник. В густом шелестящем лесу петляет речка. За одним из поворотов — зеркальная поверхность небольшой запруды. Это бобры перегородили здесь речку плотиной из хвороста и жили на середине запруды в огромных кучах хвороста — хатках.

Бобры уплывали вверх по речке, отгрызали на берегу ветки и вплавь доставляли их к плотине. А там аккуратно укладывали их одну над другой. Работали без ссор, настойчиво и спокойно. Ни один бобр не мешал другому.

Плотины бобров очень прочны. Малейшая течь сразу заделывается.

От запруды бобры проделали тропку к ближайшим осинам. В одну из лунных ночей здоровенный бобр с большим пучком белых волос на лбу отправился на заготовки молодых веточек осины. Он шёл неторопливо, сгорбившись, словно старичок. Но спокойная тишина ночи была обманчива: Белолобый не мог знать, что люди с вечера насторожили сеть, а сами спрятались в кустах и ждали.

Как только бобр вылез из воды и сделал несколько шагов, сеть упала на него. В ужасе он кинулся к воде, но запутался, и чем больше метался, тем сильнее его опутывала сеть.

Другие бобры слышали шум. Громко шлёпая по воде плоскими хвостами, они известили всех об опасности и скрылись в воде. В эту ночь ни один бобр больше не вышел на берег.

Это была последняя ночь Белолобого среди родной запруды. Рассвет застал его в транспортном клетке-ящике во дворе лесного кордона заповедника. Здесь было уже много пойманных бобров.

Несколько тысяч километров самолёт пролетел с бобрами от Воронежа до Иркутска. Проводница подливала воды в поилки и кормила бобров.

С иркутского аэродрома бобров повезли к Ангаре. Пахнуло водой. Пленники забеспокоились.

Долго судно с бобрами-путешественниками плыло вниз по Ангаре. Бурлила за кормой вода. Кричали чайки. Множество незнакомых звуков тревожило бобров. Путешествие закончилось на небольшой лесной речке — левом притоке Ангары. Как в родном Воронежском заповеднике, речка протекала среди осинников и кустов. На её берегу дверцы ящиков открыли и бобров выпустили. Они с плеском нырнули в воду.

Днём ни один из бобров не показался на поверхности речки. Они выставили носы из воды в зарослях камыша и дышали, а лапками держались под водой за ветки затопленных деревьев, осоку и камыш.

С наступлением сумерек Белолобый первый вылез из воды. Он долго сидел неподвижно на берегу и прислушивался к незнакомым звукам чужого леса. Нос его жадно ловил запахи тайги. Так же, как и на родине, пахло осиновой корой, тальником и сырой грязью. Ничто, казалось, не угрожало на новом месте. Ещё несколько бобров вылезло на берег. У самой воды лежали срубленные осины, нарочно заготовленные для бобров. В первую же ночь зверьки обглодали на них часть коры.

Прошло несколько дней. Бобры стали осваиваться. Они рыли в крутых берегах норы и поселились в них. Вход в каждую нору был под водой. Белолобый работал особенно усердно, новое место ему понравилось, и он с удовольствием устраивал своё жильё.

Бобр уходил всё дальше от речки поглотить кору осин. Однажды летним вечером Белолобый вылез на берег, уселся на задние лапы и стал расчёсывать свою шерсть когтями, как гребешком.

На резкий тревожный крик кедровки бобр не обратил вни-

мания. На его родине не было таких птиц. Кедровка с криком перепархивала с дерева на дерево, а под ними шёл к речке медведь. Он неторопливо брёл прямо туда, где сидел Белолобый. Медведь хрустел сухими ветками, громко шлёпал по грязи через ручей и вёл себя как хозяин леса, которому некого бояться у себя дома.

До его чуткого носа долетел незнакомый запах. Косматый великан остановился, натопорщив уши, и стал принюхиваться. Потом осторожно поднялся на задние лапы и увидел на берегу бобра.

Медведь бесшумно пополз к добыче. Ни одна веточка не хрустела больше под его лапами. Казалось, ползёт по земле причудливая тень, а не огромный зверь. Ветерок относил запах медведя в сторону от реки.

До бобра оставалось уже недалеко, когда на крик кедровки прилетела сорока. Она сразу заметила медведя и тревожно застрекотала.

Сорочий сигнал опасности был хорошо знаком Белолобому. На его родине сколько угодно сорок. В ту же секунду он шумно бросился в воду и нырнул. Впрочем, успел ещё громко шлёпнуть хвостом по воде, предупреждая других бобров об опасности.

Медведь долго обнюхивал место, где сидел на берегу бобр, и недоуменно смотрел на воду.

В эту ночь напуганный Белолобый забился к себе в нору и совсем не вылезал на берег.

Но прошло время, страх улёгся, и Белолобый снова вылез из воды и отправился в лес полакомиться корой и веточками. Но с вечера на тропе уселся ночевать глухарь. Ничего не подозревая, Белолобый, сгорбившись, трусил по тропе. На повороте он чуть было не ткнул мордой глухаря. Огромный, но безобидный лесной петух выдернул голову из-под крыла и взлетел с таким шумом и хлопаньем, что Белолобый на миг оцепенел от страха, а потом опрометью бросился к реке, поскользнулся на прибрежной грязи и кубарем рухнул в воду. При этом он так громко шлёпнул хвостом, что напугал всех бобров, и никто в эту ночь не отважился больше выбираться на берег.

Много ещё неожиданных встреч было у воронежского переселенца. Но одна из них чуть не стоила ему жизни.

Пушистый соболь тёмной ночью пробирался по берегу речки, где поселили бобров. Ему раньше приходилось ловить здесь

водяных крыс. А в это время Белолобый только что вылез из воды, уселся на кочке и стал расчёсывать свою шерсть.

Соболь почуял запах бобра и облизнулся. Неслышно подползти к Белолобому было нетрудно. Соболь замер на расстоянии прыжка. Крупные размеры добычи немного охладили хищника. Но голод и жадность побороли минутную осторожность — соболь подобрал под себя лапы и приготовился к прыжку.

Белолобый давно уже учуял соболя. Но этот запах был знаком бобру — на его родине похоже пахнут маленькие ласки и горностаи. Бобр не знал, что в Сибири водился их крупный и хищный сородич. Он продолжал одной лапой чесать бок, но, услышав шорох, хотел оглянуться, да не успел. Соболь стремительно прыгнул на бобра и вцепился зубами ему в шею, но, не рассчитав прыжка, столкнул Белолобого в воду, и бобр нырнул с соболем на спине. Неожиданный «всадник» сразу оставил Белолобого и выплыл на берег, мокрый и перепачканный грязью. Вместо охоты ему пришлось до утра облизывать и приглаживать свою шерсть.

Постепенно бобры привыкли к новым сигналам опасности. Они сразу бросались в воду, если чуяли запах медведя или соболя.

Сначала бобры жили в норах, а потом перегородили речку плотиной и зажили среди запруды в кучах хвороста — хатках, как у себя на родине в Воронежском заповеднике.

ПУШИСТЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Едва сгустятся сумерки над тростниковыми зарослями озёр, как начинают раздаваться какие-то всплески и шорохи. Спокойную гладь воды разрезает светлая струя. Это плывёт огромная водяная крыса — ондатра. Она плывёт по-лягушачьи, передние лапы у неё прижаты к брюшку, а работают только задние.

Ондатра высовывает из воды сначала нос, затем голову. Всё спокойно. Тогда ондатра вылезает на берег. Она совершенно сухая, словно и не плыла только что по воде, настолько у неё густая шерсть, да ещё покрыта жиром.

Ондатра садится на задние лапы, зевает, шевелит усами и быстро чешет передней лапкой брюшко. При этом она смешно гримасничает и закрывает то один глаз, то другой, то оба сразу. Малейший шорох в тростниках — и в ответ слабый всплеск воды: ондатра уже нырнула.

Всю ночь ондатры поедают молодые стебли тростника и его корневища. Зверьки грызут под водой, но не захлёбываются: щёки у них плотно закрывают рот, торчат только передние зубы.

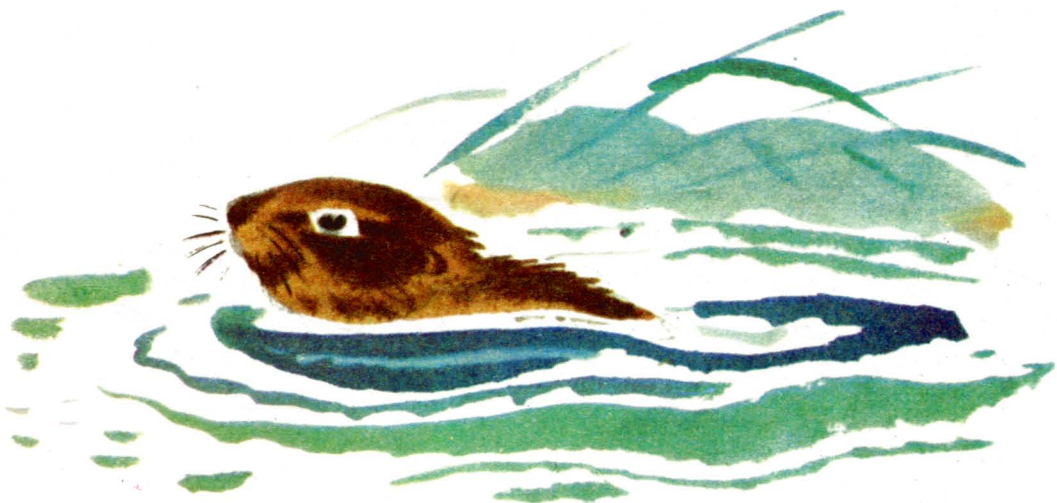
Там, где на озёрах живут ондатры, из воды поднимаются кучи мелко нагрызенного тростника. Это жилища ондатр, их хатки. Когда зимой морозный ветер несёт по льду озера снежную позёмку, всё живое спешит укрыться куда-нибудь в затишье. А ондатра в своей хатке не боится ни ветра, ни мороза. Всё семейство зверьков живёт в тёплом гнезде, в середине хатки над льдом. Оттуда у них сделана прорубь в воду, и зверьки не дают ей замёрзнуть всю зиму. Через прорубь они ныряют на дно и приносят оттуда на обед корневища тростника.

Мех у ондатр ценный, но у нас эти зверьки не водились. Учёные привезли их из Северной Америки и сначала выпустили на Соловецких островах. Потом пушистых переселенцев расселили по всему Советскому Союзу, на больших озёрах и в устьях рек, где густые тростниковые заросли.

Учёные боялись, как бы весной ондатры не стали разорять на озёрах гнёзда уток и других птиц. Но получилось наоборот. Дикае утки и гуси сами стали пользоваться хатками ондатр для устройства на них своих гнёзд. Так и живут теперь весной на домиках ондатр гуси и утки, а внутри сами хозяева — зверьки.

Выведутся у дикой утки утята, и она навсегда уплывает с ними с гостеприимного домика.

Но гуси не так быстро расстаются с удобным гнездом. Гусатам надо подолгу находиться на суше, а берег далеко, и поэтому они всем выводком лезут сушиться и греться на хатку ондатры. Пока гусята малы, ещё ничего. Но среди обильных кормов озёр гусята растут не по дням, а по часам. Они становятся всё тяжелее и в конце концов в лепёшку растаптывают домик ондатры. Но хозяйка не «обижается». Ей ничего не стоит сделать новый домик из тростника, его вокруг сколько угодно...

ВЕЛИКАНЫ ЛЕСОВ

В горном ущелье Кавказа раздались крики и шум. В глубине леса затрещали ветки, и на поляну вышел огромный бык — зубр. Его толстая шея была покрыта густой шерстью, с подбородка свисала борода. За ним показался ещё один зубр.

Сзади шли люди, громко кричали и стучали палками по деревьям. С боков ехали всадники. Зубров перегоняли из питомника до автомобильной дороги. Там их надо было поймать, погрузить в вагоны и отправить на высокогорные луга Северного Тянь-Шаня в Казахстан. Зубры были очень опасны, и приходилось остерегаться.

Лес стал редеть, просветы среди деревьев увеличивались. Дорогу пересекало болото. Для перехода был положен узкой дорожкой деревянный настил.

Зубры остановились: они не решались переходить.

Люди закричали громче и подошли ближе.

Зубры опустили головы и стали рыть землю передними толстыми ногами. Глаза их налились кровью. Зубры свирепели. Вдруг они круто повернули и бросились назад, прямо на людей.

— Прячьтесь! — испуганно закричал бригадир.

Люди полезли на деревья, всадники поскакали в стороны. Разъярённые зубры промчались мимо.

Всё пришлось начинать сначала. Три раза зубров подгоняли к болоту, и каждый раз они бросались обратно.

В ущелье начали сгущаться сумерки. Зубры улеглись в лесу на ночёвку. Люди расположились неподалёку и долго совещались около костра: как завтра заставить зубров перейти болото. В нескольких километрах был зубровый питомник Кавказского заповедника. Там содержалось стадо зубрих с зубрятами. Они всегда послушно шли, куда бы их ни погнали. Не пойдут ли упрямые зубры вместе с ними через болото?

По едва заметной в темноте дорожке один из всадников ускакал к питомнику заповедника.

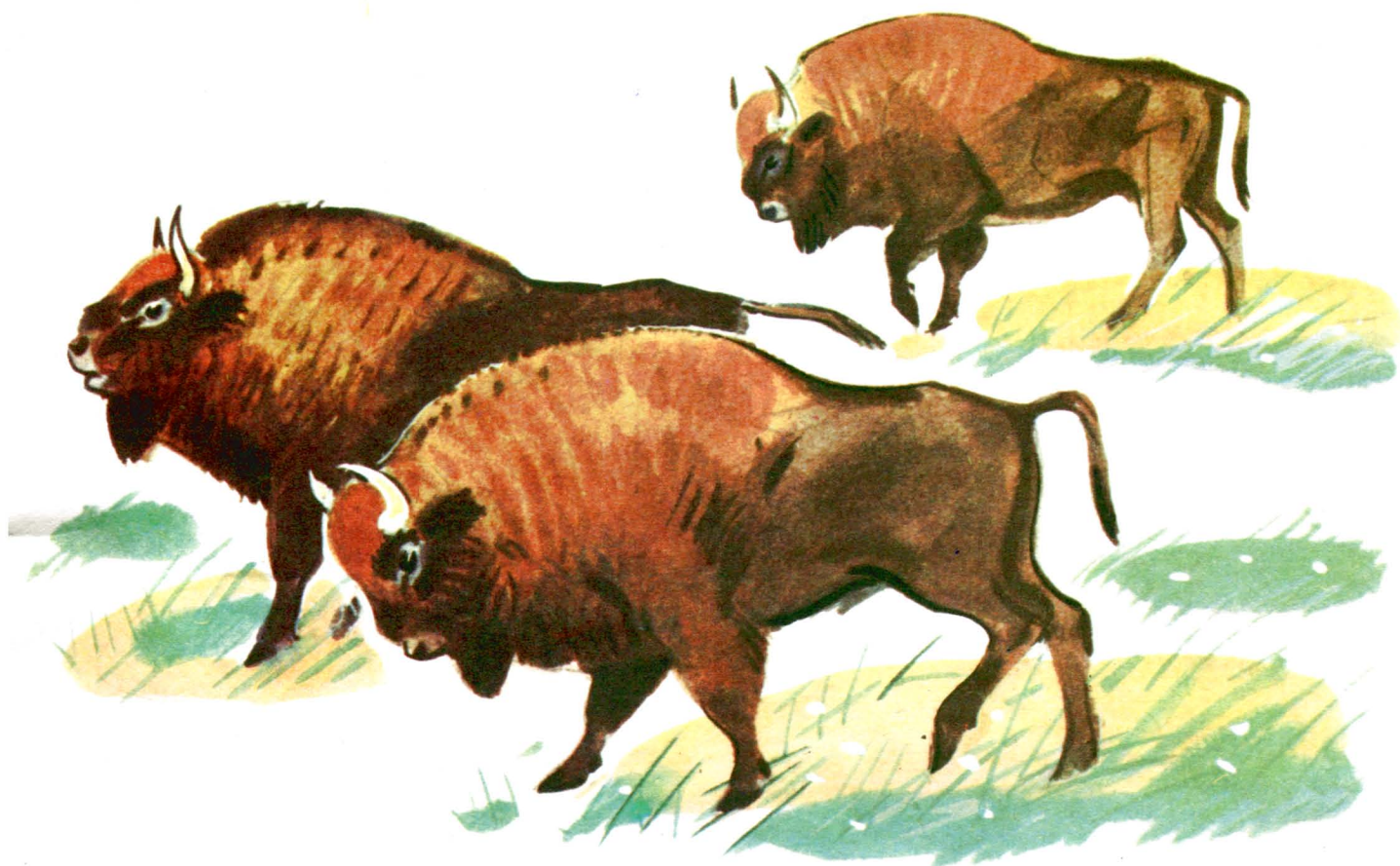
Всю ночь люди жгли костры вокруг ночлега зубров, чтобы они не ушли. Но зубры спокойно пролежали до утра. Они устали за день и теперь отдыхали. Даже когда рассвело, зубры всё ещё лежали. Люди с нетерпением ждали.

Но вот один зубр встал, выгнул спину, поднял крючком хвост и потянулся. Другой ещё лежал. Вдруг в лесу раздался топот множества копыт, треск хвороста и крики — это гнали стадо зубрих с зубрятами.

Зубры вскочили и стремительно помчались навстречу стаду. Ворвались в середину, радостно обнюхивая зубрих. И все вместе пошли к болоту.

Вот и бревенчатый настил. Зубрята первыми бойко застучали копытцами по настилу. За ними пошли через болото зубрихи и один из зубров. Но другой остановился, пропустил всех и не пошёл за стадом. Он остался один и опять начал свирепеть: мягкая земля полетела в стороны из-под передних ног. Зубр глухо заревел.

Люди поняли, что сейчас он бросится назад, и отошли в стороны. Так и случилось. Упрямец умчался обратно в лес. На ночь стадо зубрих вместе с зубром загнали в большой загон. Дежурить у загона оставили старика сторожа. Он расположился в шалаше около дерева. Ночью сторож задремал. Вдруг шалаш над ним затрясся. Старик в ужасе выглянул в темноту ночи — это зубр чесался о дерево, к которому был прислонён шалаш. Значит, зубр сам перешёл через болото. Старик не растерялся. Он осторожно выполз из шалаша, подобрался к воротам и открыл их. Сам же спрятался в кустах. Зубр спокойно вошёл в загон. Старик подбежал и закрыл ворота.

На следующий день двух зубров отправили в вагонах на Восток. Десять дней зубры ехали в тесных ящиках. В них можно было только стоять, а лечь или повернуться нельзя. Но вот и конец пути. Подъёмным краном огромные тяжёлые ящики с зубрами поставили на грузовые машины, и они поехали в горы. Дорога свернула в ущелье. Впереди показался длинный крутой подъём под самые облака на высокогорные альпийские луга рядом с вечными снегами. Там зубрам предстояло жить на новом месте в горах Северного Тянь-Шаня, где никогда раньше их не было.

Последние километры для зубров оказались тяжёлым испытанием. Машины вставали дыбом и с надсадным рёвом медленно ползли вверх, содрогаясь от чрезмерного напряжения моторов. Под ящики подсунули брёвна, чтобы они ровнее стояли в кузовах машин. Зубры скользили в наклонных ящиках, били в стенки рогами и копытами, ревели. Люди со страхом ждали, что ящики вот-вот развалятся. Весь огромный путь мог закончиться на последних километрах аварией и гибелью зубров.

Но всё кончилось благополучно.

Горные ельники и альпийские луга понравились строптивым великанам. Сюда же привезли зубрих с зубрятами из Алма-Атинского зоопарка.

Сила и мощь надёжно защищали зубров от нападения хищников. Однажды три волка погнались за зубрихой: зубриха спятилась в густой колючий куст и мощным ударом копыт сразу отшвырнула волков. Они поджали хвосты, заскулили, забегали взад и вперёд перед кустом, но снова броситься на зубриху не решались. А тут затрещали кусты — это на выручку примчался зубр. Он в бешенстве бросился на волков и угнал их далеко в лес.

После этого зубры долго жили спокойно на новом месте. Но как-то им захотелось попутешествовать. Они спустились в долину и пошли вдоль речки. Неожиданно зубры вышли на улицу небольшого посёлка. Они удивлённо осмотрелись, поводили ушами и медленно двинулись по деревне. Люди в ужасе закрылись в домах — они впервые видели таких огромных животных. Даже собаки поджали хвосты и обиженно залаяли из-под ворот. Но зубрам деревня, видно, не понравилась, и поэтому «осада» жителей продолжалась недолго. Лесные великаны повернули назад и ушли в горы. Там они чувствовали себя дома.

20 коп.

Для дошкольного возраста

Максим Дмитриевич Зверев

НА НОВОМ МЕСТЕ

Художник В. Федотов

Редактор Н. Сеидерова. Художественный редактор Д. Пчёлкина. Технический редактор Т. Щептева. Корректор С. Бланштейн. Сд. в произв. 5/XI-76 г. Подп. в печать 24/VI-77 г. 60×90/8. Офс. № 1. Усл. печ. л. 3. Уч.-изд. л. 2,44. Тираж 150 000. Изд. № 866. Заказ № 485. Цена 20 коп. Издательство «Малыш», Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

3 70801—091 Р1—77
М102(03)—77

© Илл. Издательство «Малыш» 1977